

Он — Нин Цзэ. У него своя жизнь, свои воспоминания и любимый человек. Он чувствует, что они с Рафаэлем теперь — два совершенно разных существа.

— Мне очень жаль, но я не могу выбрать место для перемещения.

Низкий голос окончательно разрушил все надежды Нин Цзэ, повергнув его в уныние. Он бездумно перелопатил кучу данных, хранящихся в системе, но, как она и предупреждала, их знания о производных мирах были ничтожно малы. Нин Цзэ не нашел ничего полезного.

— Отправляй в следующий мир.

Ему пришлось оставить попытки найти информацию в архивах и заняться этим самому. Он верил, что раз вселенная едина, то и у производных миров должна быть своя система связей. Нин Цзэ собирался отыскать её, стараясь при этом не пострадать.

Никто не обязан жертвовать собой ради других без всяких условий. Нин Цзэ не приемлет подобных жертв, поэтому он должен помочь Вэйну поправиться.

Синее небо, белые облака, аромат сочной травы ударил Нин Цзэ в нос — если не обращать внимания на боль в теле, всё казалось прекрасным.

Однако, оказавшись в незнакомой обстановке и неизвестном мире, Нин Цзэ был не в том настроении, чтобы любоваться цветами или луной. Он поспешно потратил сто единиц Силы мира, чтобы система собрала информацию об этом теле. Он не хотел повторения истории с Цзянь Яном, когда все сведения поступили лишь на полпути. Впрочем, тогда это случилось только из-за нехватки Силы мира.

Кстати, о Силе мира. Цзо Юнь разделил её на девять уровней в зависимости от духовной силы производного мира: от F до 3S, по возрастанию опасности. Это было своего рода предупреждением для тех, кто входит в миры. Судя по известной Нин Цзэ информации, такая классификация была верна. Система определила государство Тяньсуй как уровень F, а мир апокалипсиса — как E, и здесь спорить было не о чем.

608 быстро закончил сбор данных. Когда информация хлынула в мозг Нин Цзэ, его нервы снова пронзила знакомая острая боль. Каждый раз одно и то же — Нин Цзэ уже был готов завести книгу жалоб специально для Цзо Юня.

Едва видя что-то перед собой от боли, Нин Цзэ поклялся, что в следующий раз ни за что не будет проводить этот процесс в дикой местности — это вдвое увеличивает риск, оставляя его совершенно беззащитным.

Когда он наконец пришел в себя, одежда на нем промокла от пота.

Это был мир совершенствования — место, где, согласно легендам, живут небожители. И эти небожители находились совсем недалеко от его нынешнего тела, ведь этот юноша жил у подножия горы, где располагалась секта Цзюян. Там была небольшая деревушка, все жители которой зарабатывали на жизнь выращиванием духовных трав для секты и жили довольно зажиточно. Но это никак не относилось к этому юноше.

Парня звали Лю Аньлэ, его мать — Чжан Ифан. С тех пор как его отец Лю Пин ушел в секту Цзюян, по деревне поползли слухи, что он не вернется. Тогда дед и бабка со стороны отца выставили мать с сыном из дома. Староста, пожалев их, позволил им поселиться в заброшенной лачуге, а после нескольких просьб добился для них у семьи Лю клочка пустующей земли.

Уходя, староста лишь тяжело вздыхал. Без кормильца в доме жизнь одинокой матери с ребенком представлялась безрадостной. К тому же духовные растения очень требовательны к почве, и если бы та земля была хоть на что-то пригодна, она бы не пустовала.

Но у матери с сыном не было выбора. В те времена законы практически не действовали, и им приходилось терпеть все тяготы, лишь бы возделывать этот участок. В итоге из десяти посаженных духовных трав девять погибли. Глядя на землю, которую они обрабатывали день и ночь, Чжан Ифан заливалась слезами, но ради выживания ей приходилось утирать их и идти стирать одежду и готовить еду для богатых семей.

Чжан Ифан не требовала многого — лишь бы платили. Так, не зная отдыха, она вырастила Лю Аньлэ до четырнадцати лет, пока сама не слегла с тяжелой болезнью. Лю Аньлэ был сыном почтительным: он готов был отдать матери последний кусок мяса. Когда она заболела, он выгреб из дома всё до последней монеты, чтобы оплатить лечение.

Деньги закончились, а матери не становилось лучше. В отчаянии Лю Аньлэ впервые обратился к семье Лю, но получил лишь насмешки и ни гроша помощи.

В полном отчаянии он решил пойти в горы за лекарственными травами, но ему не повезло: он наткнулся на легендарного огнедышащего зверя и, сорвавшись со склона, разбился насмерть.

Нин Цзэ, узнав историю жизни Лю Аньлэ, почувствовал, как сердце сдавило от боли. Такие добрые, трудолюбивые люди — и такой трагичный конец. Нин Цзэ охватило чувство глубокого негодования.

Он вытер кровь с лица, прикрыл волосами страшный шрам на лбу и поднялся с земли.

Поскольку Лю Аньлэ здесь никогда не был, Нин Цзэ не знал дороги назад. Он решил рискнуть и активировал духовную силу. Его восприятие расширилось на сотню метров, что немало удивило и обрадовало Нин Цзэ. По крайней мере, теперь он мог не бояться, что из кустов выскочит огнедышащий зверь. К тому же он начал подозревать, что в мирах одного уровня можно использовать одни и те же способности, но это еще предстояло проверить.

По пути назад он обнаружил в пределах своего восприятия немало знакомых Лю Аньлэ трав, а также растения, которые Нин Цзэ заподозрил в целебных свойствах: они излучали особую ауру, выделяясь на фоне остальных, словно яркие звезды в ночном небе.

Однако таких растений было мало: пока он выбирался из долины, нашел всего три, причем одно из них росло на отвесной скале, и Нин Цзэ оставалось лишь тяжело вздохнуть.

— Господин, генерал Вэйн пропал...

Нин Цзэ замер. Что значит пропал? Он правильно понял? Исчез?!

— Господин, когда вы вошли в мир духовной силы, с вас списали двойную порцию Силы мира. Я полагаю, генерал Вэйн, скорее всего, как и вы, очнется в теле другого человека. Но из-за тяжелых ран он вряд ли сохранит память: он будет считать себя другим человеком или останется в состоянии глубокого сна, пока вы не покинете этот мир.

— !! — Нин Цзэ опешил. Если Вэйн станет другим человеком, да еще и получит тяжелые раны... разве это не самоубийство? И по-человечески, и по долгу службы Нин Цзэ не хотел, чтобы тот вот так погиб.

— Ты можешь найти его?

— Господин, контракт с генералом Вэйном заключили вы, только вы можете найти его, или он — вас.

Нин Цзэ подумал, что они с Вэйном и так не были близки, а теперь, когда тот стал другим человеком, как его найти? А как Вэйн найдет его? Неужели полагаться на контракт, в котором Нин Цзэ ничего не понимает?

— Господин, когда генерал Вэйн появится, вы всё поймете. Он будет непреодолимо стремиться к вам, хотеть заботиться о вас и защищать. Он найдет любые достоинства в вас, чтобы оправдать свои действия.

Нин Цзэ нахмурился. Где-то он уже слышал нечто подобное. Например, тот странный наследный принц или Фу Бои, чувства которого вспыхнули так внезапно! Неужели все они — Вэйн?!

Нин Цзэ чувствовал себя глубоко уязвленным. Если Фу Бои и есть Вэйн, то были ли его чувства к Нин Цзэ искренними?

С тяжелым сердцем Нин Цзэ пнул ногой нищего, которого обнаружил у ручья. Мужчина, весь в грязи и ранах, лежал в траве, и было непонятно, жив он или мертв. Но по ощущениям Нин Цзэ, тот был жив, просто находился в бессознательном состоянии.

Нин Цзэ оценил размеры мужчины, пощупал его крепкую руку и решил притащить его с собой. Как минимум, будет кому защитить. Раз уж он, Нин Цзэ, здесь, то всё может измениться. Если кто-то снова решит обидеть его, Нин Цзэ не проявит милосердия и заставит их узнать, каково это — издеваться над тем, кто сейчас слаб.

Нин Цзэ ухватил мужчину за ногу, пытаясь волоочь, но реальность была сурова: истощенный, недоедающий подросток едва мог вырвать травинку, не говоря уже о том, чтобы тащить взрослого мужчину на себе.

Как бы он ни проклинал свою неудачливость и как бы ни тосковал по своим идеальным кубикам пресса, приходилось смотреть правде в глаза. Нин Цзэ с сожалением посмотрел на потенциального телохранителя и был вынужден оставить его — оставалось лишь надеяться, что до его возвращения мужчину никто не заберет.

До деревни было уже недалеко. Вдалеке виднелись крыши домов, а в самом конце — дом Лю Аньлэ. Бедняки обычно жили в лачугах из трех комнат, а у них было и того меньше — всего две. С того места, где стоял Нин Цзэ, их дом выглядел совсем крошечным и жалким среди остальных построек.

Бросив лишь мимолетный взгляд, он направился к месту, где скупали лекарственные травы. Сейчас важнее всего было вылечить Чжан Ифан. Она всю жизнь горбатилась ради сына и ни дня не знала покоя. Ее самопожертвование сделало Лю Аньлэ невероятно преданным, поэтому он так мучился, умирая с мыслью о больной матери.

Нин Цзэ сразу узнал лавку среди ряда других. Трудно было сказать, что это: скромность или наглость — дело вкуса. Но в глазах Нин Цзэ это выглядело вызывающе.

У лавки не было ни названия, ни вывески — ничего. Она просто пустовала среди красивых соседних зданий, напоминая дом Лю Аньлэ. Впрочем, секта Цзюян явно не утруждала себя эстетикой: они открыли пункт лишь для удобства жителей, чтобы тем не приходилось таскаться в горы. Разве важен фасад?

Внутри Нин Цзэ увидел двух стариков за игрой в шахматы. Лю Аньлэ слышал, что одного из них зовут управляющий Сюй, и люди восхищались его божественным обликом. Нин Цзэ простить, но он не видел в двух бородатых стариках с закатанными рукавами ничего божественного. Он лишь надеялся, что они оторвутся от доски и заметят бедного мальчишку, принесшего травы ради спасения жизни.

Видимо, Нин Цзэ излучал такую ауру, что старик с черными камнями, сделав ход, наконец посмотрел на него. Секта принимала травы только по нечетным дням, а сегодня был четный.

Старик не узнал юношу, но, несмотря на волосы, закрывавшие лицо, его чуткий нос уловил запах крови. Увидев дикорастущие травы в руках Нин Цзэ, он всё понял.

— Дикорастущие взрослые травы — по 50 медных за штуку, незрелые не берем. — Старик встал, подошел к прилавку и достал лоток для сушки.

Нин Цзэ по памяти Лю Аньлэ сопоставил цены: 50 медных — это очень дорого, ведь культивируемые травы стоили 10–20 медных. Нин Цзэ слегка улыбнулся старику и выложил все травы на лоток:

— Управляющий Сюй, не беспокойтесь, все травы взрослые. Пожалуйста, пересчитайте.

Старик решил, что парень из другой деревни — по одежде было видно, что он из бедной семьи, — и решил проявить к нему снисходительность.

— Всего 22 штуки, итого 11 связок монет. — Управляющий Сюй достал из ящика серебряный слиток и связки монет, положив их на прилавок.

В этом мире основной валютой было серебро: 100 медных монет составляли одну связку, десять связок — один лян серебра, а сто лянов серебра — один лян золота. Говорили, что у небожителей есть и другие способы обмена, но это было за пределами знаний Лю Аньлэ.

Нин Цзэ забрал деньги, немного подумал и достал еще две травы — от одной исходил холод, от другой — жар.

Увидев их, старик заметно напрягся. Это подтвердило догадку Нин Цзэ: они стоят гораздо дороже остальных.

Вспомнив о деньгах, Нин Цзэ облизнул пересохшие губы. Он был голоден, дома пусто, а мать нуждалась в лечении. Ему были нужны деньги, очень нужны!

— Управляющий Сюй, полагаю, вы узнали...

— Конечно, узнал! — Старик, решив, что Нин Цзэ сомневается в его знаниях, насупился и указал на травы: — Это лунная трава, обладает мягким, холодным свойством, основной ингредиент мази для лечения ран. А это — огненная трава, очень буйная, основа для таблеток, повышающих боевую мощь.

Нин Цзэ выразил восхищение, хотя понятия не имел, о чем речь. Старик же решил, что его признали, и в его глазах промелькнула зависть, но без злобы.

— Повезло тебе, парень, да и смелости не занимать. Ладно, не буду наживаться на тебе, забирай всё себе.

Несмотря на слова, в глазах старика мелькнула хитринка. Он бросил на прилавок три золотых

слитка, чем привел Нин Цзэ в полное замешательство. Он предполагал, что травы ценные, но не настолько! Триста лянов серебра — это как выиграть в лотерею пять миллионов!

Как же богаты эти совершенствующиеся! Швыряются золотом направо и налево! — подумал Нин Цзэ.

— Что, мало?! — Старик разозлился, видя, что Нин Цзэ медлит. Он, конечно, немного заработал, но, клянусь небом, если бы парень продал их в другом месте, получил бы не больше двух золотых.

Старик недовольно фыркнул.

— Э-э... Управляющий Сюй, я не жалуюсь, просто... не могли бы вы разменять их на серебро? — Если нищий, у которого нет еды, придет с золотом, это же напугает всех до смерти!

— Раз не жалуешься, то ладно. Скажу тебе: хоть лунная и огненная травы — настоящие духовные растения, они самого низкого качества. Три золотых — это еще щедро с моей стороны. — Старик ворчливо разменял золото на три мешочка серебра, глядя на Нин Цзэ так, будто тот был неблагодарным.

Нин Цзэ лишь неловко посмеялся, поблагодарил и поспешно ретировался. Управляющий Сюй проводил его мрачным взглядом.

— Тц, старик, не хочу показаться грубым, но ты так неловко выражаешь симпатию.

— Заткнись.

Нин Цзэ прижимал к животу тяжелый мешочек с деньгами, чувствуя себя как никогда хорошо. Это называется удача? Наконец-то и ему повезло! Но правило не светить богатством он знал — радоваться нужно тихо.

Он дошел до дома врача, который лечил Чжан Ифан. Дверь открыла женщина лет тридцати. Увидев Нин Цзэ, она помрачнела и, бросив, что мужа нет дома, собралась закрыть дверь.

— Подождите, Цуй-нян, что вы делаете! — Мужчина выскочил из двора, схватил женщину за руку и распахнул дверь, облегченно выдохнув при виде Нин Цзэ.

Женщина, которую звали Цуй-нян, вскипела:

— Лю Вань! Ты что творишь?! Сколько можно давать им в долг?! Ты думаешь, мы банк?! Или мои деньги с неба падают?!

— Ну...

— Не смей говорить мне про спасение жизни! Ты только продлеваешь ее мучения. Если бы мог вылечить, давно бы вылечил, а если нет — не мешай людям искать других врачей!

Нин Цзэ был ошарашен. Он поспешно достал серебро. Лю Аньлэ задолжал Лю Ваньби три лян и пять связок. Только благодаря тому, что врач был таким добряком, ему позволяли копить долг, но жену это приводило в бешенство — очередь из должников тянулась через всю деревню!

Когда Нин Цзэ отсчитал деньги, лицо Цуй-нян немного смягчилось, но неприязнь к должникам осталась.

— Доктор Лю, Цуй-нян права? Моя мама...

Лю Ваньби посмотрел в чистые глаза Нин Цзэ и тяжело вздохнул. Он не хотел расстраивать эту несчастную пару, но теперь правда вышла наружу.

— Твоя мать больна давно, ее организм истощен. При хорошем уходе она может прожить еще три-пять лет, но если не обеспечить должный уход... она может уйти в любой момент.

Нин Цзэ почувствовал, как к горлу подкатил ком, мешая дышать. Очевидно, эмоции прежнего владельца тела взяли верх. Несмотря на попытки сдержаться, голос Нин Цзэ прозвучал надломленно:

— Доктор Лю, должен же быть выход. Я отдам любые деньги, пожалуйста, продолжайте лечение. — Он протянул врачу еще десять лян. Деньги имеют свойство заканчиваться в самый неподходящий момент.

Триста лян казались уже не такой большой суммой.

Лю Ваньби сжал серебро. Цуй-нян, увидев это, поняла, что муж не отступит, поэтому с мрачным видом надела ему на шею аптечку и вытолкнула за дверь.

Лю Ваньби беспомощно посмотрел на нее, почесал затылок и смущенно сказал:

— Цуй-нян добрая, просто очень переживает из-за денег. Не злись на нее.

Нин Цзэ лишь промолчал. Кто из женщин будет спокойно смотреть, как муж раздает деньги направо и налево? В этом был виноват сам Лю Ваньби. Нин Цзэ молча смотрел на виновника: иметь такого простодушного добряка — это и благословение, и наказание, видимо, Цуй-нян слишком сильно его любила.

Подойдя к дому, Нин Цзэ увидел распахнутые настежь двери и нахмурился. Чжан Ифан нельзя было допускать сквозняков, и Лю Аньлэ лично проверял все окна и двери перед уходом! Такого просто не могло быть.

Нин Цзэ быстро вошел в комнату матери. В густом запахе лекарств он увидел женщину, лежащую у кровати, и услышал ее тихий, раздирающий душу плач. Повсюду валялась сломанная мебель, на полу — растоптанная одежда. Пусть старая, но она была сшита руками Чжан Ифан, которая вложила в нее всю свою любовь...

Никто не имел права топтать любовь этой женщины. Она не совершила никакого преступления, чтобы так с ней обращаться.

Нин Цзэ подавил разрывающую его боль, чувствуя, как лицо становится ледяным и суровым.

Он подошел и поднял плачущую женщину. Она была очень слаба, ее явно стащили с кровати, из-за чего на лбу образовался огромный синяк.

— Аньлэ, ты вернулся? — прошептала женщина, с трудом фокусируя взгляд. Лицо ее было покрыто черными пятнами болезни. Она изо всех сил вцепилась в рукав Нин Цзэ, пытаясь прояснить сознание. — Аньлэ, послушай... Лю Вэньсянь приходил, он сказал, что ты искал неприятностей, и теперь он пришел за ответом.

<http://bllate.org/book/22533/2379816>